

— Вилли, сколько стоят билеты на ваши концерты?

— Меня это не интересует. Это проблема организаторов. Я лишь договариваюсь о гонораре, а платят его они. Года два назад, помню, я выступал в Тольятти, так там один «новый русский» заявил, что оплачивает концерт, на котором будет только двадцать восемь зрителей. Я думал: шутит. Но оказалось, в шикарном ресторане зрителей было именно столько: несколько девушек, остальные мужчины. И я пел два отделения, как на полноценном концерте. Эти люди заплатили мне столько же, сколько я получаю в больших дворцах. Что ж, у них свои прихоти.

— Вас устраивает, что на родине вы доступны прежде всего новым богатым? Вам не хочется, чтобы вас слушал действительно народ?

— Да именно этого я и хочу! Я и приезжаю к народу. Для него и выступаю — во дворцах культуры, на стадионах, даже в тюрьмах. В Перми, в Вологде — об этом меня попросили работники МВД. Такого успеха, какой я имел в женских колониях, признать, даже не ожидал. Тамешние заключенные, оказывается, знают все мои песни и пели их вместе со мной. А я был поражен, какие очаровательные молоденькие девушки сидят в тюрьме. И старых женщин много. Была бы моя воля, всех бы отпустил на свободу.

— А вы не интересовались, за что они сидят?

— Мне разрешили общаться с узниками в антракте. Одна прелестная девушка — хоть сейчас в фотомодели (она оделась, причесалась — есть оказывается, такая возможность), ответила: «Я убила мужа. Из ревности». За что сидели остальные, не знаю. Но женщин отпустил бы — всех!

— До эмиграции вы тоже носили имя Вилли?

— Это имя мне дали родители.

— А где родились?

— В Краснодарском крае, на хуторе Чернышев. Мои родители — из кубанских казаков. Отец работал на заводе, где делали ракеты, был засекречен, его переводили из одного города в другой. Когда переехали в Ленинград, я поступил в музыкальное училище при консерватории. Был студентом, когда получил приглашение в знаменитый джаз-оркестр Анатолия Кролла. Потом работал с Броневицким и Пехой, с Жаном Татляном, с Борисом Рычковским и Гули Чохели — в лучших эстрадных коллективах страны. Мне повезло. Я играл на контрабасе, был аранжировщиком, писал песни и пел. Даже в консерватории такому не научишься!.. В этих коллективах работали выдающиеся наши музыканты, и я взял от них все, что мог. За что им благодарен.

— Почему же уехали? Многие эмигранты утверждают, что их вынудил КГБ...

— Нет-нет, меня никто не выгонял. Я сам задышался от отсутствия сво-

Израиль отверг сразу: чтобы обосноваться там, надо было представиться евреем, а лицемерить я не хотел...

боды творчества. Кроме лирических я ведь и сатирические песни писал. Факты для таких вот песен находил в газетах. Люди слушали и смеялись. Вывезти эти песни за границу я не мог, а здесь записи стерли.

— Но печатать-то была почти вся цеховская.

— Вот именно: почти. И журналисты многое могли сказать — пусть между строк, и куплетисты за коронной фразой «утром в газете — вечером в пуплете» такой камень за пазухой прятали! На радио мне объяснили: убойная сила более или менее политической песни в тысячу раз больше, чем сила газетных публикаций на ту же тему. «Так что мы, дескать, не можем позволить...» — говорили редакторы. К ним я претензий не имел. Но решил: не хочу больше развиваться однобоко, на тему «ты меня любишь, а я тебя нет»... Стал подыскивать страну, где мог бы реализоваться творчески. Целый год изучал конституции четырех стран: Германии, Швейцарии, США, Австрии. Израиль отверг сразу: чтобы обосноваться там, надо было представиться евреем, а лицемерить я не хотел. Тут как раз приехал к нам Ричард Никсон, и под шумок, со второй попытки, меня отпустили. Чтобы создать впечатление демократичности наших властей.

— Вы представляли себе

жизнь «там»? — Прекрасно осознавал, что меня никто не ждет. Тем более что сразу оказался выдать себя за еврея и тем самым лишился опеки еврейской общины в США. Меня «передали» в Толстовский фонд. Это нищая организация. Если эмигрировавший еврей для начала получал сто долларов, то я — только пять. Но меня это не смущало. Я был честен и готов к любой работе. Был разносчиком почты на Уолл-стрит, помощником медсестры в больнице — но даже эта должность потребовала сдачи экзаменов... Был посудомойкой на кондитерской фабрике, по дому где-то работал... А вскоре из Толстовского фонда получил уведомление: «Через неделю мы вас лишаем пособия». Хо-

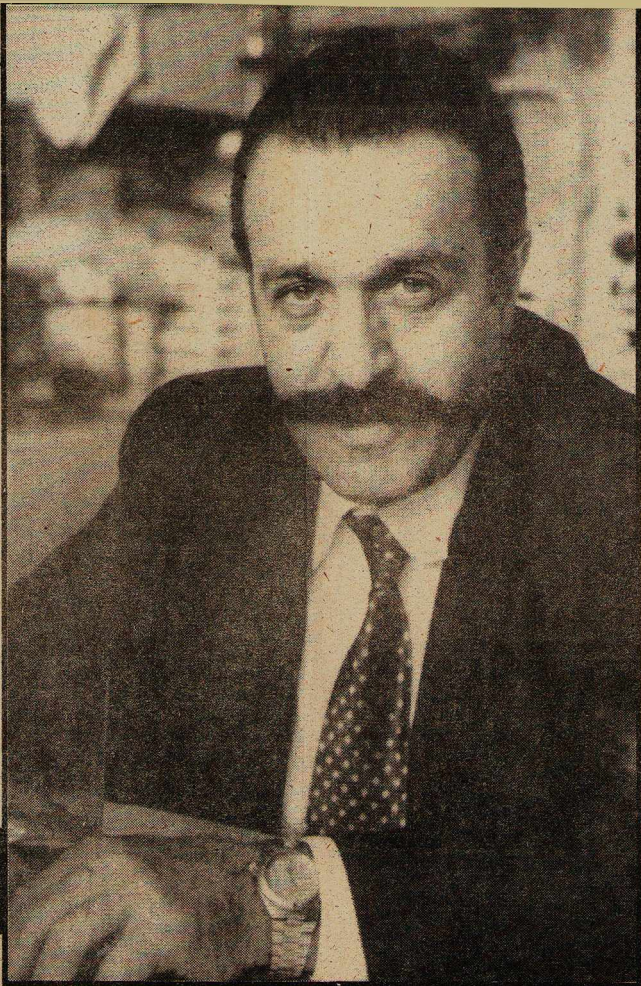
Известнейший певец и бард Вилли Токарев, живущий в Нью-Йорке, в эти дни гастролирует по СНГ. В программе турне — Украина, Белоруссия, Таджикистан, Туркменистан, Киргизия. И, конечно же, Узбекистан, где он уже побывал в прошлом году и написал песню о Ташкенте, которую приняли очень тепло. А вообще в репертуаре Вилли Токарева только авторских песен — аж двести. В Нью-Йорке выходит двадцатый его диск, в России вышло двенадцать. Успех небывалый!

Месяц назад российская фирма «Олимпия» пригласила его в Москву для выступлений в ночных клубах. Они прошли блистательно. После концерта в клубе «Голден Пэлс» мне удалось побеседовать с певцом.

Голос. - 1995. - 21 авг. - с 7.

Вилли ТОКАРЕВ:

«Я только телом эмигрант, но не душою»

«Я только телом эмигрант, но не душою»

ше, чем в Америке. Раньше, бедный ты или богатый, но всегда мог посидеть с девушкой в парке. Сейчас — нет. В семь вечера выхожу в Москве на улицу: людей — как корова языком слизнула. Удивляюсь, почему власти не могут навести порядок. Ведь это так просто.

— Вас не огорчает то, что вы говорите с акцентом?

— Я-то этого не замечаю, но, видимо, придется заняться русской фонетикой. В семье мы говорим только по-русски. Мой маленький сын даже требует: «Папа, говори со мной по-русски!» Но, когда я говорю по-английски, он меня поправляет.

— Вы живете на Брайтон-бич?

— Неподалеку. В доме с полным сервисом. (Даже в самых скромных нью-йоркских домах, где живут русские и латиноамериканцы, есть регулярно работающие прачечные. — Е.Б.) В моей квартире всегда чистота и порядок, есть мусоропровод и кондиционер.

— Кто делает ежедневную уборку?

— Иногда я. Но чаще — супруга: потрясающая чистюля! Меня это даже иногда раздражает.

— Сколько у вас комнат?

— Студия, где я работаю, плюс спальня и детская.

— Вы могли бы купить жилище получше?

— Мог бы. Дом-то в Америке купить

раз плюнуть. Но мне нравится район: недалеко от работы. И трех комнат нам вполне хватает.

— А кто ваша жена?

— Москвичка. Сейчас учится в колледже и работает. Она фотомодель. У нее прекрасные данные. Нередко с радостью сообщает: «На этой неделе я заработала больше, чем ты».

— А сколько зарабатываете вы?

— У нас таких вопросов не задают.

— Но вы сами затронули тему.

— В ночном клубе «Одесса» за четыре дня я зарабатываю тысячу долларов. Деньги не очень большие, но и не маленькие. Можно жить. Мне предлагают другие места с зарплатой вдвое больше, но я не изменяю людям, которые дали мне возможность нормально работать. В коллективе этого ресторана я себя чувствую, как в родной семье.

— Почему трудно? Отвечу своей песней: «Я только телом эмигрант, но не душою. Я душу с телом здесь оставил навсегда...» Русский дух сейчас почему-то хотят уничтожить. Почему, кто — не знаю. Но такой теплоты в отношениях я не встречал нигде. Даже в это трудное время мои соотечественники не утратили душевности — я это чувствую на концертах. Вчера в Москве по радио слушал одного американского политолога. «Нельзя», — говорил он, — доводить Россию до того состояния, до которого ее довели сами русские. Если России будет плохо, будет плохо и Америке. Цепная реакция! Сейчас генофонд русских под угрозой». Это сказал американец. Если уж они об этом говорят, стоит задуматься и нам.

— Вы считаете, то время, из которого вы бежали, лучше, чем нынешнее?

— В том времени люди обладали одним из главных элементов свободы: ощущением безопасности. Сейчас его нет. Вернее, в России его мень-

— Ночной клуб — после работы с поистине прославленными музыкантами?

— В американских ночных клубах работают суперзвезды. Туда приходит та же публика, что и на концерты. В «Одессе» — совершенно концертная атмосфера. Россияне говорят: «Как будто побывали на Родине во времена нашей молодости». Мы исполняем советскую песенную классику: Дунаевского, Фрадкина, Френкеля... Когда меня просят спеть «Я люблю тебя, жизнь», «Ландыши» — с удовольствием откликаюсь. Разумеется, интерпретирую эти песни по-своему.

— Трудно вести ночную рабочую жизнь?

— Так ведь только четыре раза в неделю. Официально мы работаем с восьми вечера до часу ночи. Потом — время неофициальное, когда платят посетители, а не хозяин. Это и есть мой основной заработок — с разрешения начальства. Так что я получаю, считайте, две тысячи долларов. Но налог с чевых платить приходится.

— Чем занимаетесь в свободное время?

— Музыкой. И сыном. Много читаю. Слушаю московское радио, зарубежные станции, вещающие на русском, читаю ваши газеты: «Правду», «Известия», «Сегодня», «Завтра». Надо быть в курсе всех политических течений. Ну и всегда какая-нибудь раскрытая книга ждет. Смотрю новые фильмы, хожу на все выступления артистов и поэтов из России.

— Кто в вашей семье занимается готовкой?

— В основном я. Я и жену этому обучил. Могу приготовить любое блюдо, и каждое — великолепно. У нас в доме двадцать поваренных книг, начиная с изданной в 1958-м «Книги о вкусной и здоровой пище». Я их все перечитал, суммировал информацию, добавил фантазии — и создал свою, пока что рукописную. Борщ украинский готовлю по собственному рецепту.

— Извините, Вилли, сколько вам лет?

— А сколько дадите?

— Меньше, чем на самом деле.

— Вот и все так. По паспорту я с тридцать четвертого года, но подозреваю, какой-то регистратор что-то напутал.

— Вы великолепно выглядите. Как вам это удается?

— После двух часов напряженной работы на стадионе я еще делаю молниеносную пробежку вокруг стадиона. Все поражаются. В Питере, будучи студентом, я пробегал расстояние от училища до Малой Охты. Ну как из центра Москвы до Шереметьево. В детстве косил, поливал грядки, полел... Плюс хорошие природные данные. Дрался я только один раз в жизни, когда меня ударил парень, полезший без очереди за билетами в кино. Когда я дал сдачи, он упал и не мог подняться. Я думал, что убил его. Больше не дрался никогда. А тренер в боксерской секции сказал: «Вам нельзя заниматься боксом: можете и убить ненароком»... Но главное, от чего я неплохо выгляжу, — здоровый образ жизни. Я ничем не злоупотребляю. Никогда не курил. В Америке не поддавался угворам попробовать марихуану и кокаин. Я не трезвенник, пью все, но так, чтобы никто не считал меня пьяным.

Когда-то я воспользовался одним умным советом и с тех пор ему следую: за завтраком, обедом иужи-

ном, а если не ужинаете, то просто перед сном — тридцать граммов водки — рюмочка. (Не любите водку — разведите ее соком.) Это стимулирует пищеварение, работу сердца, очищает сосуды, а постоянное малое количество алкоголя в крови убивает бактерии, вирусы. Я давно уже не болею гриппом, хотя раньше — то и дело... Еще один неглубокий совет: пить холодную воду, со льдом. Я даже на концертах ее пью — это неприменное условие успеха. В первый раз заболел двусторонней ангиной, но с тех пор — никогда.

— Сколько лет вашей жене?

— Когда в 1990 году мы поженились, ей было восемнадцать.

— Это ваш первый брак?

— Второй. Первый был — по молодости. Нынешний — настоящая любовь.

Беседу вела Елена БЕЛОСТОЦКАЯ.

Я ничем не злоупотребляю. Никогда не курил. В Америке не поддавался угворам попробовать марихуану и кокаин. Я не трезвенник, пью все...